

ISSN 0321—2017

Политические
Исследования

1993

222
6039
Российская академия наук

ПОЛИС

6'93

Политические
Исследования

Научный и культурно-
просветительский журнал

Издается с 1991 г.

Выходит 6 раз в год

№ 6 (18) 1993

Читайте
в следующих
номерах:

Встреча двух цивилизаций

Теория рационального выбора

Легитимность власти в России

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер	4
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОЛИТОЛОГА	
Н.В.Петров. Что такое полиэтнизм? (Территориально-этнические притязания и конфликты в бывшем СССР)	6
Т.А.Алексеева. Дилеммы безопасности: американский вариант	16
ВЕРСИЯ	
А.И.Атоян. Социальная маргиналистика	29
РОССИЯ СЕГОДНЯ	
И.М.Клямкин. До и после парламентских выборов	39
Российское общество: ценности и приоритеты	54
ДОСЬЕ: МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ	
Э.Эллис. Новые коалиции, новые парламенты	81
СЕМИНАР	
Л.Дж.Р.Херсон. Идеология в Соединенных Штатах	87
П.-И.Шерель. Строить демократию: свобода формирования и выражения мнений	93
КАФЕДРА	
А.И.Щербинин. Драматургия власти	105
СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	
Ю.Н.Давыдов. "Война всех против всех" в идеальнотипическом истолковании ..	110
М.М.Федорова. Французский либерализм (Руссо — Констан)	126
ИСТОРИЯ БЛИЗКАЯ И ДАЛЕКАЯ	
А.Б.Зубов. Плюрализм тоталитарности	135
Б.С.Орлов. Роковой выбор (Просматривая протоколы II съезда РСДРП)	145
ПАРТИИ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В ДОСОВЕТСКОЙ РОССИИ	
И.С.Розенталь. Социал-демократия: "использование парламентаризма"	149
Г.А.Аноприева, Н.Д.Ерофеев. Эсеры: между утопиями и реальностью	157
В.В.Шелохаев. Многопартийность, "висевшая в воздухе"	166
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Россия в мире XXI века (семинар)	172
* * *	
Памяти А.М.Румянцева	184
* * *	
Статьи и материалы, опубликованные в журнале в 1993 году	185
Содержание на английском языке	191

РОКОВОЙ ВЫБОР (просматривая протоколы II съезда РСДРП)

Б.С.Орлов

Каких-нибудь десять лет назад это событие отмечалось бы как одна из важнейших дат в истории России в нашем столетии, как поворотный пункт в демократическом и рабочем движении во всем мире. Проводились бы научные конференции, семинары, печатались бы статьи, издавались бы сборники. Ныне об этом событии не было ни слова. Может быть, публиковались материалы в прокоммунистической прессе, но они мне на глаза не попадались. А событие действительно историческое. И дело не в круглой дате, хотя она действительно юбилейная, — 90 лет со времени проведения II съезда Российской социал-демократической рабочей партии, открывшегося 30 июля 1903 г. (по новому стилю) в Брюсселе, а затем переехавшего в Лондон.

На этом съезде обозначились тенденции, которые повлияли на формирование в российской социал-демократии двух различных политических культур: большевистской и реформистской. Столкновение, борьба этих двух политических культур продолжается по сей день. Намеренным всерьез разобраться в том, почему население России в своей основной массе поддерживало насильственный подход к решению проблем, предложенный большевиками в ходе Октябрьского переворота и так называемой коллективизации, и почему часть населения сегодня продолжает если не положительно, то хотя бы терпимо, сочувственно относиться к проявлениям этой традиции (а они выразились, в частности, в кровавых столкновениях у телевизионного дома в Останкино и в здании московской мэрии в октябрьские дни 1993 г., причем часть интеллигенции посчитала эти действия правомерными как «спровоцированный акт отчаяния»), полезно обратиться к истокам российской драмы. Тем более это важно для тех, кто по-прежнему считает целесообразным и необходимым социал-демократический подход к проблемам сегодняшней России, осуществляющей трудный переход к представительной, парламентской демократии и рыночной экономике.

Я не ставлю своей задачей анализировать программу, которая была принята на II съезде РСДРП и которая провозглашала курс на социалистическую революцию и установление диктатуры пролетариата. Об

этом написано предостаточно. Представляется полезным с позиций сегодняшнего дня просмотреть протоколы II съезда и проследить по ним, как формировались внутри партии, проводившей свой фактически первый по значению съезд, подходы к российским проблемам. Это тем более целесообразно в новой обстановке, когда не испытываешь подспудного давления официальной трактовки данного события со стороны КПСС, трактовки, внедрявшейся в сознание людей десятилетиями. Как германисту, знакомому с историей становления социал-демократии в Германии, мне представляется также полезным сопоставить некоторые моменты в деятельности этих двух партий и рассмотреть формирование двух политических подходов внутри российской социал-демократии в общеевропейском контексте того времени.

Самая ранняя публикация протоколов II съезда у нас — это издание 1924 г. — года смерти Ленина. Хочется надеяться, что рука цензора не очень бесцеремонно обращалась с этим историческим документом, который отразил ход тридцати восьми заседаний.

При знакомстве с протоколами передо мной как-то по-новому предстала позиция Г.В.Плеханова — патриарха российской социал-демократии, стоявшего у ее истоков. Общеизвестно, что он был одним из лучших знатоков марксизма в России. Известно также, что Плеханов рассматривал марксизм как целостное учение и был против того, чтобы из него выдергивать отдельные положения, применимые якобы к конкретным условиям России. Так, он резко возражал против того, чтобы в программу РСДРП вносить пункт о диктатуре пролетариата, справедливо полагая, что для нее должны быть соответствующие исторические предпосылки, прежде всего формирование зрелого рабочего класса. Дело доходило чуть ли не до полного разрыва с Лениным. Плеханов уступил, как он уступал и в дальнейшем (и это урок для последующих поколений) при решении конкретных вопросов, полагая, что компромисс не только возможен, но и необходим, но только там, где не затрагиваются принципы. Поступаться же принципами действительно нельзя, особенно в таком кардинальном вопросе для социал-демократов, как соотношение демократии и возможностей реализации социалистической идеи социальной справедливости.

Но здесь, на II съезде РСДРП, Плеханов проявил себя человеком, для которого дог-

мы марксизма являлись своего рода неприкасаемой "священной коровой". Кстати, как и для лучшего знатока марксизма в Германии — Карла Каутского. Речь идет о марксистском положении об обостряющемся обнищании пролетариата в ходе неизбежного и неизменно углубляющегося кризиса капитализма. На этом фундаментальном положении Маркс и строил свою идею пролетарской революции и последующей власти пролетариата, коими в результате кризиса становится преобладающая часть населения, включая и якобы обреченные на разорение средние слои. Ставить под сомнение эту теорию означало подрывать логическую основу здания марксизма. Прежде всего его теорию неизбежного краха капитализма и торжества социалистической революции. Именно по этой причине идеологи КПСС до самого последнего времени держались за теорию обнищания, понимая, что в противном случае здание марксистского учения начнет распадаться. Они в упор не замечали улучшения материального положения рабочих в странах капитализма, особенно после второй мировой войны, и особенно в тех странах, где социал-демократы, придя к власти, приняли целую серию законов, ставших основой социального государства. Но на конференциях, проводившихся под патронажем коммунистов, еще в начале 80-х годов ученые мужи изворачивались в словесной эквилибристике, рассуждая так: да, улучшение положения наблюдается, но доходы рабочих растут медленнее, чем прибыли капиталистов, а, следовательно, относительное обнищание продолжается. Аргументация для простаков, ибо предприниматель, у которого нет достаточных прибылей для инвестиций, не выдержит конкуренции партнеров, и поэтому он просто вынужден вести свое дело так, чтобы, кроме издержек производства, включая и оплату труда, оставались средства для капиталовложений. Но тогда — в предперестроечную эпоху — в такую аргументацию верили, и по этой теме публиковалось множество статей. Что поделяют их авторы сегодня?

Отметим ради справедливости: в самом начале века тенденции к нарастающему улучшению жизни трудящегося населения при капитализме просматривались не столь очевидно, и не во всех странах. Но в той стране, где Плеханов провел ряд лет в эмиграции — в Швейцарии, как и в соседней Германии, они были налицо. И они давали достаточно пищи для сомнений и новых выводов. Плеханов их не замечал. Это видно из ответа, которую он дал делегату Акимову. В нашей статье он еще появится не раз, этот делегат, представлявший одну из эмигрантских организаций РСДРП. Вот слова Плеханова на съезде: "Воззрения товарища Акимова на теорию обнищания логично и неизбежно должны привести к оппортунизму. Тов. Акимов полагает, что в современном обществе возможно улучшение материального положения пролетариата в его-целом и

что эти постоянные улучшения в материальных условиях рабочего класса могут привести к социализму" (I, с. 118). Но так думал не только Акимов. Это была позиция, на которой стоял ряд делегатов и которая нашла развернутое обоснование в документе "Credo". Его опубликовала группа социал-демократов (Кускова, Прокопович и др.). Отрывок из их программы приводит во вступительной статье к "Протоколам" П. Лепешинский: "Что же касается революционного марксизма, то он ("марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный, пользующийся самыми схематическими представлениями классового общества") должен уступить свое место марксизму демократическому, причем стремление партии к захвату власти преобразуется в стремление к изменению и реформированию современного общества в демократическом направлении" (I, с. 3).

Это суждение дает основание для вывода, что еще в начале века в российской социал-демократии нашлись люди, которые оказались не робкими и послушными учениками Маркса, но нашли в себе интеллектуальное мужество объективно и критически взглянуть на учение, эпигоны которого, прежде всего в самой России, и завели страну в тоталитарный тупик.

В этих выводах, ставивших под сомнение целесообразность революционной (читай: насильственной) стратегии, российские социал-демократы-реформаторы, рассматривавшие социализм не как реализацию марксистского псевдонаучного чертежа, но как постоянное и последовательное улучшение жизни населения в условиях демократии, не были одиночками. Они имели возможность опираться на суждения своих единомышленников, и прежде всего в Германии, в немецкой социал-демократии.

Перед съездом в Эрфурте в 1891 г., на котором германские социал-демократы принимали свою новую программу (так называемую Эрфуртскую, написанную под влиянием марксизма), видный деятель баварской социал-демократии Георг фон Фолльмар высказал по тем временам крамольные мысли. Он фактически отмежевался от революционной стратегии и призвал объединиться всех демократов, готовых проводить реформы на базе признания существующего общественного строя. Для интеллектуальной верхушки партии, со всей добросовестностью и последовательностью исповедовавшей марксизм, это было неприемлемым. Крупнейший авторитет СДПГ, председатель партии Август Бебель потому и считал необходимым на Эрфуртском съезде напомнить о своей вере в правоту марксистского тезиса о скорейшем и неизбежном крахе капитализма: "Я убежден, что осуществление наших целей столь близко, что лишь немногие из находящихся в этом зале не станут свидетелями этого" (2, с. 52). Как не вспомнить в данной связи заявление ру-

ководителя другой партии о том, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Увы, и Бебель и Хрущев оказались плохими пророками. Обоих подвела слепая вера в марксизм. После Эрфуртского съезда в германской социал-демократии особую активность стал проявлять еще один "еретик" — Эдуард Бернштейн. Он считал себя сторонником и последователем учения Маркса. Но рассматривая данное учение как научное, Бернштейн стремился привести его в соответствие с новыми фактами в общественной жизни, полагая, что это пойдет марксизму только на пользу. С немецкой дотошностью ученый проанализировал статистические данные последних двух десятилетий XIX в. и пришел к выводу, что растет численность рабочих не только на крупных предприятиях, но также на мелких и средних, которые, согласно экономической логике Маркса, должны были разоряться, а их работники и собственники — вливаться в ряды обнищавших пролетариев. Бернштейн также пришел к выводу, что существующие институты и законы Германской империи позволяют добиваться улучшения положения наемных трудящихся путем реформ.

Свои размышления Бернштейн обобщил в книге "Предпосылки социализма и задачи социал-демократии", которая вышла в свет в 1899 г. Весть об этой книге долетела быстро и до далекого сибирского села Шушенское, где в то время отбывал ссылку Владимир Ульянов. Через своего родственника он потребовал немедленно выслать ему эту книгу и, не дожидаясь ее доставки, на основе статей в иностранных газетах, которые ему также пересылали, уже составил мнение о работе Бернштейна, расценив ее как архипортунистическую.

Поразительна самонадеянность, с которой выступил Ленин против Бернштейна, не познакомившись с зарубежной реальностью, не имея представления ни об уровне жизни европейских, в частности, германских рабочих, ни о формах их самоорганизации — в профессиональных союзах, партиях, кооперативах, страховых обществах, всевозможных ферайнах — от культурных до спортивных. Было бы еще как-то понятно, если бы Ленин сделал оговорку — у нас, мол, иной уровень развития рабочего движения, и по этой причине нам пока еще не до реформ. Но нет, человек берется судить о новых тенденциях в европейской социал-демократии, бранить теоретиков, даже не ознакомившись с их трудами. Потом это стало правилом: у нас критиковали, подвергали разному все работы инакомыслящих авторов, и не только критиковали, но и фактически уничтожали.

Как мы знаем, вскоре узник сибирской ссылки перебирается в Швейцарию, вливается в эмигрантскую среду и тут же начинает выяснять отношения с членами редакции "Искры", прежде всего с Плехановым. Но что касается ревизионистско-реформист-

ской линии Бернштейна, то здесь у них точки зрения совпадали. Об этом можно судить по той части выступления Плеханова на съезде РСДРП, где он отчитывал делегата Акимов за его сомнения относительно марксистской теории обнищания. Отрицание этой теории, сказал дословно Плеханов, привело Бернштейна и его сторонников к бернштейнианизму и жоресизму, т.е. к оппортунизму. "Но нет, тов. Акимов, — воскликнул Плеханов, — мы туда не пойдем. Мы останемся под знаменем революционной социал-демократии" (I, с. 119).

Одно вытекает из другого. Ты — за революцию, следовательно, готовь к решению этой задачи партию, придав ей соответствующие формы закрытой организации. Ты — за постепенные реформы в рамках существующего строя, готовь к этому и партию, вбирая в ее ряды как можно больше сторонников и способствуя самым разным формам самоорганизации наемных работников. На съезде столкнулись две позиции — одна Ленина, изложенная в его работе "Что делать", другая — Мартова и его сторонников. Ленин на съезде зачастую помалкивал, за него говорила его брошюра. Мартов выступал: "Теория Ленина в "Что делать" ...открывает двери другим тактическим ошибкам, проводя глубокую борозду между руководящими элементами движения и рабочей массой, между деятельностью замкнутой партии и широкой борьбой рабочего класса" (I, с. 108).

Позицию Мартова конкретизирует в своем выступлении Акимов. Он обращает внимание на то, что по ленинскому проекту устава партии местные комитеты могут в любой момент быть заменены по воле высшего партийного руководства. "Необходимо, — подчеркивает Акимов, — чтобы никакое решение центрального органа или съезда не могло быть проводимо в жизнь помимо местных комитетов" (I, с. 146).

В этом споре на чашу весов бросает свое авторитетное мнение Плеханов: "Успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или иного демократического принципа, то перед такими ограничениями преступно было бы останавливаться" (I, с. 156). На одном из следующих заседаний Плеханов резюмирует: "Чем больше говорилось об этом предмете и чем я внимательнее вдумывался в речи ораторов, тем прочнее складывалось во мне убеждение, что правда на стороне Ленина" (I, с. 227).

Так, в самом начале становления РСДРП возникли две принципиально различные стратегии внутри российской социал-демократии. Одних — сторонников революционного насилия — называли большевиками, других — сторонников реформ на базе "демократического марксизма" — меньшевиками. Сложилось мнение, что Плеханов тяготел к меньшевикам. Это проявилось позднее, когда ему все более очевидной становилась пагубность стратегии

большевиков, приспособивших марксизм к своим собственным экстремистским устремлениям. Но тогда, летом 1903 г., в очередной раз критикуя делегата Акимова, Плеханов предельно четко определяет свою позицию. Цитирую соответствующее место из протокола: "Плеханов: тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона — он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы, я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, что он не намерен разводиться со мной" (Тов. Ленин, смеясь, качает отрицательно головой) (I, с. 123).

Как мы знаем, со временем верх одержали большевики, и — что еще более существенно — одержала верх большевистская политическая культура. Одна из ее главных черт — превращение марксизма в фундаменталистскую утопию, в своего рода слепую веру, закрытую для рациональных доводов. Вторая черта — всеми способами, легальными и нелегальными, добиваться власти и не отдавать ее затем ни при каких обстоятельствах.

Этот новый феномен в русской жизни одним из первых выявил Николай Бердяев в своей работе "Истоки русского коммунизма". Он показал, что корни этой одержимости, веры в возможность построения Царства Божьего на земле уходят в российскую историю, в русский характер, в русский образ жизни. Спустя семь десятилетий, на основе конкретного опыта деятельности большевиков, можно было бы сказать, что речь идет не о коммунизме, но именно о большевизме как об особом типе политического поведения.

То, что эта культура, этот тип властвования со всей неизбежностью ведет не во врата рая, а в тоталитарный барак, все больше становилось очевидным и для самих коммунистов, особенно после смерти Сталина и разоблачения его преступлений на XX съезде КПСС. Внутри партии стали все более внимательно приглядываться к той стратегии рабочего движения, которую обозначили российские социал-демократы в самом начале века как реформистскую и которая затем была опельмована, а ее носители клеймены как злейшие враги и предатели рабочего класса. Эту стратегию удалось реализовать в ряде стран Западной Европы, и с ее результатами может ознакомиться любой желающий.

Были определенные основания полагать, что на реформистскую стратегию выйдет новое руководство КПСС во главе с М. Горбачевым. Но шанс вернуться к первоначальным истокам российской социал-де-

мократии не был реализован. В результате российское общество барахтается на первоначальной стадии создания рынка, не имея ориентиров социальной демократии, отработанных более чем столетней практикой социал-демократов в других странах.

Продолжает о себе давать знать большевизм и в деятельности неокommунистических организаций. Руководители этих организаций, судя по их высказываниям, либо отрицают представительную демократию, либо рассматривают ее как способ вернуться к старым методам властвования, когда под ширмой Советов действовала большевистская партократия.

Но примем во внимание одно существенное обстоятельство: и перед этими организациями рано или поздно встанет дилемма — либо, прибегнув к конспирации, готовить новый Октябрь, либо действовать по правилам представительной демократии. Первый путь в конечном счете ведет к кровавому насилию; второй — к расширению связей со звеньями гражданского общества, к реформистским методам действий.

Иные полагают: может быть, следует найти средний путь, как это фактически попытался в свое время сделать Георгий Валентинович Плеханов, отыскивая историческую истину в марксизме? Или вернуться к последовательно ленинской стратегии, очистившись от примазавшихся беспринципных попутчиков? Приведем в данной связи еще одно высказывание делегата Акимова на съезде РСДРП. Слушая выступления сторонников Ленина, он пришел к заключению: "Формулировка наших задач совершенно такая же, как у "Народной воли" (I, с. 115). Одно из первых пронизательных суждений в российской политике относительно сути нарождающегося большевизма! Как известно, сам Ленин формально отрицал народовольческую установку на террор. После казни старшего брата Александра он якобы сказал, что, мол, мы пойдем другим путем. История показала, что Ленин пошел тем же путем. Но с одним существенным отличием. Если народовольцы гонялись с бомбами за царем-реформатором, то Ленин, а с его подачи и Сталин, превратил "красный террор" в средство уничтожения миллионов россиян.

Будем помнить, что и первое движение в этом направлении обозначилось в России 90 лет назад — на II съезде РСДРП, точно так же, как и попытка выработать цивилизованные методы отстаивания интересов наемных трудящихся в форме социальной демократии.

1. Протоколы второго съезда РСДРП. Л., 1924.

2. Potthoff H. Die Sozialdemokratie von den Anfängen bis 1945. — Bonn — Bad Godesberg, 1974.